

Тема воспитания гражданина в сочинениях Цицерона¹

Волкова Я.А.

Трансформация ценностных ориентаций, связанных с изменением менталитета и личности в целом, происходит в обществе с заметным постоянством. И на каждом этапе развития человечества выдающиеся люди своего времени пытаются сформировать некие личностные идеалы, к которым призывают стремиться своих соотечественников во имя создания правильного общества. Современная наука обращается к Цицерону, главным образом, как к видному политическому деятелю, который жил, действовал и творил в сложный исторический период заката Римской республики, падения республиканских ценностей и появления новых экономических и общественных отношений. Однако имя Марка Туллия Цицерона хорошо знакомо не только историкам древнего мира и специалистам по риторике, но и педагогам, ибо его вклад в педагогическую науку столь же существенен, как и в риторику и политическую теорию.

Сложная и противоречивая картина общественно-политической жизни цицероновского Рима во многом была результатом покорения Греции и включения греческих полисов в состав Римской республики (146 г. до н.э.). Сложившееся в 8–6 вв. до н.э., римское образование было основано на институте *patria potestas*, т.е. отводило главную роль в образовательном и воспитательном процессе семье, в частности, главе семейства — *pater familia*. Такая ситуация сохранялась в неизменном виде вплоть до 3 в. до н.э., т.е. до захвата римлянами Тарента (272 г. до н.э.) и Сицилии (241 г. до н.э.). После окончания Первой Пунической войны римляне начали испытывать на себе влияние греческого образа мышления и образа жизни, что, в конечном итоге, привело к ситуации, точно схваченной поэтом Горацием: «*Graecia capta ferum victorem cepit et artes intulit agresti Latio*» (Horat. Ep. II. 1. 156)² Но Греция внесла в Рим не только свою

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Концепция воспитания культурой в педагогике Цицерона» № 16–06–00004

² «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лаций суровый внесла искусства» — пер. Н.С. Гинцбурга.

философию и искусства, но и свой дух, свое понимание доблести и добродетели, и, соответственно, свое понимание образования и воспитания.

Квинтэссенцией идей традиционного римского воспитания считается трактат Марка Порция Катона Старшего «Наставления сыну» (*Præcepta ad filium*). Будучи эллинофобом, Катон Старший не доверил обучение сына рабу Хилону, а сам учил мальчика всем нужным, по его мнению, умениям и навыкам: «И он сам обучил мальчика и грамоте, и законам, и гимнастическим упражнениям, обучил его не только метать копье, сражаться в тяжёлых доспехах и скакать на коне, но и биться на кулаках, терпеть зной и стужу и вплавь перебираться через реку, изобилующую водоворотами и стремнинами»¹. Алан Остин в своей книге по Катону подвергает сомнению тот факт, что Катон, во-первых, был настолько сильным противником эллинизма, как это принято полагать, и, во-вторых, сознательно стремился написать системный труд по воспитанию и обучению в Риме. Вероятнее всего, единственной целью трактата было написание практических рекомендаций, наставлений и советов конкретному юноше — старшему сыну². Однако, в любом случае, информация, представленная в данном труде, представляет огромную ценность для понимания того, как осуществлялся образовательный и воспитательный процесс в Древнем Риме. Идеалы римского традиционного воспитания нашли отражение в комедии Теренция «Братья» и озвучены устами персонажа Демеи, для которого старинная доблесть и честь являются высшими воспитательными идеалами в противовес вольностям, поощряемым его братом Микионом — сторонником эллинистических воспитательных идей³.

Во времена Цицерона эллинистические тенденции в образовании и воспитании были необычайно сильны, однако никаких образовательных «стандартов» в нашем понимании не существовало: по сути дела, любой человек, считающий себя образованным, т.е. умеющим читать и писать, мог открыть свою школу и найти себе учеников. Грамматические и риторские школы, хотя и являли собой образец школ высокого уровня, также не могли похвастаться

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах, М.: Издательство «Наука», 1994. — Т. I. — Перевод С.П. Маркиша, под ред. С.С. Аверинцева.

² См. Austin. Alan T. Cato the Censor. Oxford University Press, 2000. P. 182–211. См. также: Morford M. The Roman Philosophers: From the Time of Cato the Censor to the Death of Marcus Aurelius. — Routledge, 2002.

³ Toliver, Hazel M. The Terentian Doctrine of Education // The Classical Weekly. Vol. 43. — No. 13. — P. 195–200.

каким-либо системным подходом. Цицерон, получивший блестящее образование в лучших эллинистических традициях, не мог не видеть всех недостатков, присущих современным ему образовательным подходам и в течение всей своей жизни пытался выработать систему образования и воспитания высоко нравственного человека и настоящего гражданина. Философские, политические и педагогические проблемы в трудах Цицерона неразделимы, ибо для Цицерона неразделимы были все эти аспекты существования римского общества. Тема гражданства и воспитания идеального гражданина нашла отражение во многих трудах Цицерона — гражданин в Риме представлял собой не просто хорошего человека, но человека, наделенного особыми правами и обязанностями. Гражданин Рима был противопоставлен всему остальному миру — варварам, рабам, чужестранцам: гордая фраза *Civis Romanus sum* постулировала его привилегированный социальный статус. *Vir bonus* — «хороший человек» — представлял собой эталон римского гражданина. Но кто такой этот *vir bonus*? Какими качествами он обладает? Анализ взглядов Цицерона на идеальное государство и идеального гражданина посвящен ряд научных работ¹, но все они так или иначе сфокусированы на социально-философском и политическом аспектах проблемы. Как воспитать мальчика, чтобы он стал *vir bonus*? — вот тот вопрос, на который должен ответить педагогический анализ трудов Цицерона. В настоящей статье с позиций исторической педагогики предлагается попытка анализа двух произведений Цицерона — диалога «О Законах» (*De Legibus*) и трактата «Об обязанностях» (*De Officiis*), в которых наиболее четко и ярко прописаны руководства к воспитанию *vir bonus*.

¹ Брагова А.М. Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданине и государстве: дис. ... канд. истор. наук. — Нижний Новгород, 2005; Демина С.С. Римское общество в I в. до н. э.: Гражданское сознание и поведение. — дис. ... канд. истор. наук. — Владимир, 2000; Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по теории культуры и истории Древнего Рима. — М., 1990; Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. — Москва, «Наука», 1965; Утченко С.Л. Цицерон и его время. — М.: Мысль, 1972; Утченко С. Политические учения Древнего Рима. — М.: Наука, 1977; Львов А.М. Проблема идеального гражданина в античных политико-правовых учениях: Аристотель, Цицерон: дис. ... канд. юр. наук. — М., 2000; Wood N. Cicero's Social and Political Thought. Berkeley: University of California Press, 1988; Atkins J.W. Cicero on Politics and Limits of Reason: the Republic and Laws. Cambridge: Cambridge University Press, 2013; Baraz Y. A Written Republic: Cicero's Philosophical Politics. — Princeton Univ. Press, 2012; Cicero the Philosopher. Twelve Papers / Ed. by J.G.F. Powell. — Clarendon Press, 1999; и др.

Сочинение «О законах», называемое различными авторами либо трактатом, либо диалогом¹, написано в форме диалога между Цицероном, его братом Квинтом и близким другом Титом Помпони-ем Атикком. До нас дошли три книги диалога, первая из которых сохранилась лучше всего, вторая и третья содержат много лакун и производят впечатление незаконченных фрагментов. Многие исследователи творческого наследия Цицерона полагают, что изначально книг было шесть (по аналогии с «О государстве»)², поэтому вполне возможно, что вопрос о воспитании идеального гражданина был рассмотрен в диалоге достаточно подробно. В первой книге диалога содержатся рассуждения о естественном праве (*ius naturale*), во второй — о «праве божественном» (*ius sacrum*), в третьей — о магистратах (*magistratus*). Наибольший интерес с точки зрения педагогических идей Цицерона представляет, на наш взгляд, первая книга. В ней участники диалога отправляются на прогулку, обсуждая вопросы о разуме, о наделении им человека, о божественном происхождении человека, о понятии доблести и др. Сам факт такой ученой прогулки поднимает вопрос правильного досуга (*otium*), который, согласно философии стоиков, есть не пустое времяпровождение, а деятельность, которую гражданин осуществляет на благо своему отечеству и самому себе. Например, Квинт восклицает: «И действительно, какое занятие мог бы я предпочесть этому, вернее, разве я мог бы провести день лучше?» (*Cic. Leg. I. 13*)³, утверждая, что нет ничего лучше ученого досуга. Одной из основных обсуждаемых проблем в книге является вопрос природы человека: Цицерон задается вопросом о природе человека и природе доблести (*virtus*) и приходит к выводу, что божественное (*divinum*) изначально находится внутри человека, ибо высшее божество наделило его разумом: «... Следует вот что: существо, способное предвидеть, сообразительное, разностороннее, наблюдательное, памятьливое, преисполненное разума и смышленное, которое мы называем человеком, было сотворено высшим божеством и поставлено, так сказать, в превосходное положение. Ведь из существ всех видов и различной природы один только человек способен думать и размышлять, чего все

¹ Утченко С.Л. Политико-философские трактаты Цицерона («О государстве» и «О законах») // Марк Туллий Цицерон. Диалоги. — М.: Научно-изд. центр «Ладомир» — «Наука», 1994. — С. 153–174.

² Там же. С. 161.

³ Здесь и далее текст приводится по изданию: О законах / пер. В.О. Горенштейна // Марк Туллий Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. — М.: Наука. — С. 89–150.

остальные лишены. А что, не скажу — в человеке, но и на всем небе, и на земле более божественно, чем разум? <...> И вот, так как лучше разума нет ничего, и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством — в разуме». Однако, только душа человека является божественным даром, «между тем, как все другие начала, составляющие их, люди получили от смертных существ, причем начала эти непрочны и бранны...» (Cic. Leg. I. 22–24). Рассуждая о разуме как о величайшем и уникальном даре и подчеркивая равную для всех способность к обучению, Цицерон выделяет необходимость и важность образования, ибо именно в зависимости от него различается разум всех людей: «И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех в отношении способности учиться» (Cic. Leg. I. 30). Как и во многих других местах, Цицерон использует слово «doctrina» — учение, наука, обучение, ученость. Это чрезвычайно важный вывод, т.к. он утверждает исходное равенство образовательных возможностей для всех людей без исключения.

Божественная природа человека делает последнего обладателем уникальной доблести, которой лишены все другие живые существа. Здесь Цицерон дает свое определение доблести (virtus), а, как известно, vir bonus должен был быть воплощением целого ряда добродетелей или доблестей, о которых Цицерон достаточно подробно говорит в «Об обязанностях» и о чем будет упомянуто ниже. Заметим, что слово «virtus», в латинском языке вообще, и трудах Цицерона, в частности, означающее и доблесть и добродетель, исходным значением имеет «мужество, мужественность, храбрость, стойкость»¹, что лишний раз подчеркивает важность и приоритетность «боевых» качеств для римлянина. Итак, Цицерон пишет, что человек и божество имеют одну и ту же доблесть, которая есть «не что иное, как природа, достигшая совершенства и доведенная до своей высшей степени...» (Cic. Leg. I. 25). Следовательно, любой человек, следующий природе, должен быть добродетельным: «И ни в одном народе не найдется человека, который, избрав своей руководительницей природу, не смог бы достичь доблести» (Cic. Leg. I. 30). Таким образом, Цицерон подводит нас к пониманию того, что

¹ Дворецкий И.Х. Большой латинско-русский словарь. — М.: Русский язык — Медиа, 2008.

люди от природы разумны и добродетельны, и «разумный образ жизни делает людей лучше» (Cic. Leg. I. 31).

Рассуждая об укреплении государства и улучшении нравов (а эти темы были актуальны и весьма болезненны для Цицерона на протяжении всей его сознательной жизни), Цицерон говорит о том, что в основе государства должны лежать не только запреты и наказания, но прежде всего здравый разум, позволяющий человеку отличать честное от позорного, нравственное от безнравственного и поступать по справедливости, т.е. в основе государства лежат не только законы, но и, самое главное, *воспитание* его граждан. В качестве иллюстрации он приводит известную моральную дилемму: «Как поступит в потемках человек, который боится только свидетелей и судьи? Как поступит он, встретившись в пустынном месте со слабым и одиноким человеком, у которого он может отнять много золота?» (Cic. Leg. I. 41) Сама мысль о том, что нежелание лишить путника жизни и отнять у него золото основано только на страхе наказания, должна быть позором *образованному* человеку, т.е. аморальный выбор недостойн человека вообще, а в особенности, человека образованного: «Если же он станет отрицать, что он намерен лишить путника жизни и отнять у него его золото, то он всегда будет отрицать это не потому, что считает такое деяние позорным с точки зрения закона природы; он будет отрицать его только из опасения, что это станет известным, то есть навлечет на него беду. О, достойное соображение, от которого должны покраснеть, не говорю уже — образованные люди, нет, даже невежды!» (Cic. Leg. I. 41)

Рассуждая о влиянии воспитания на чувства и разум, Цицерон делает вывод о том, что чувства не подвергаются влиянию, в то время как разум, наоборот, меняется под воздействием окружения: «Ибо наших ощущений не извращают ни родители, ни кормилица, ни учитель, ни поэт, ни сцена; их не может изменить и общее мнение толпы. Напротив, для нашего ума устраиваются всяческие засады либо теми людьми, которых я только что перечислил и которые, получив нас в свои руки нежными и нетронутыми, воздействуют на нас и гнут нас, как им угодно...» (Cic. Leg. I. 47). Поэтому истинный гражданин, *vir bonus*, должен с самого начала понимать, что стремление к доблести должно осуществляться ради самой доблести, а не ради тех благ и выгод, которые могут ей сопутствовать. Образование метафорически выступает ключом ко всему этому пониманию, оно связано с любовью к мудрости — философией, с природным стремлением человека к самопознанию: «...философия — самый благотворный, самый щедрый, самый лучший дар бессмертных богов,

принесенный ими человеку. Ведь это она одна научила нас как всем другим делам, так и самому трудному — *познать самих себя*; смысл и значение этого наставления так велики, что его считали изречением не человека, а дельфийского бога» (Cic. Leg. I. 58).

Таким образом, в первой книге «О законах» утверждается мысль о том, что осознание того, что есть нравственное, а что безнравственное, исходит из природного разума человека, и жизнь и поступки образованного человека и гражданина основаны не на страхе наказания, а именно на этом внутреннем понимании добра и зла. Образование дает человеку возможность самопознания, что, в свою очередь, предоставляет ему практически неограниченные возможности: «А когда он почувствует себя рожденным для общества граждан, то он сочтет нужным прибегать не только к подробному рассмотрению вопросов, но и к свободно льющейся непрерывной речи, дабы посредством нее управлять народами, устанавливать законы, порицать дурных людей, защищать честных, восхвалять великих мужей, обращаться к согражданам с убедительными правилами, клонящимися к благу и славе, быть в состоянии побуждать людей к доблести, отвращать их от позорного поведения, утешать униженных, а деяния и намерения храбрых и мудрых людей, наряду с осуждением позорных поступков людей дурных, делать памятными навсегда» (Cic. Leg. I. 62). Воспитание посредством образования и образованности (*doctrina et eruditio* — два наиболее любимых Цицероном слова в диалоге) делает из человека достойного гражданина. Именно в конце первой книги (Cic. Leg. I. 58–62) Цицерон делает вывод, что поиск, познание и, в конечном итоге, осознание самого себя и есть поиск основ закона: «И когда этот человек обзрит небо, землю, моря и всю природу, когда он увидит, из чего все это возникло, к чему оно возвратится и когда и как погибнет, что в этом всем смертно и тленно и что божественно и вечно, и когда он воспримет, можно сказать, существование самого божества, правящего и царящего над всем этим, а себя самого признает не жителем какого-то ограниченного места, окруженного городскими стенами, а гражданином всего мира» (Cic. Leg. I. 61).

Вторая книга диалога «О законах» посвящена, главным образом, Законам Двенадцати Таблиц — древнейшему своду законов Рима в отношении религии. Цицерон излагает сущность Законов, согласно которым римские граждане должны были проявлять благочестие по отношению к богам и обращаться к ним с чистой душой (боги же эти должны быть признаны государством) (Cic. Leg. II. 19, 24, 26); «отказывать в роскоши», не связывать священнодействие

с затратами, чтобы доступ к богам был открыт и беднякам (Cic. Leg. II. 25); чтить «обоготоворенных людей», т.е. тех, которые обладают такими качествами как Ум, Благочестие, Доблесть, Верность (Cic. Leg. II. 27–28); соблюдать правила религии «как бы переданные нам богами», т.е. самые древние существующие обычаи (Cic. Leg. II. 27); слушаться государственных жрецов (Cic. Leg. II. 20–21; 34–35; 31). Представляется, что Цицерон видит в Двенадцати Таблицах идеальный священный закон, регулируемый высшей мудростью, которому гражданин обязан следовать, руководствуясь разумом, данным богами. К сожалению, в тексте второй книге есть множество лакун, не позволяющих сделать обоснованные выводы о том, насколько в реальности Цицерон верил в то, что все разнообразие человеческих отношений может регулироваться ограниченным числом законодательных актов.

В третьей книге «О законах» Цицерон пишет о магистратах, т.е. о власти и обязанностях консулов, преторов, цензоров, эдилов, квесторов и трибунов, т.е. описывает государственное устройство Рима на момент расцвета римской республики, т.е. до реформ братьев Гракхов (Cic. Leg. III. 6–11). Возможно, что именно этот период римской истории Цицерон и считает периодом существования идеального государства и идеальных правителей¹. В идеальном государстве власть магистратов является необходимым условием, равно как и подчинение им большинства граждан: «Итак, надо, чтобы существовали магистраты; ведь без их мудрости и усердия гражданская община существовать не может, и распределением полномочий между ними поддерживается весь государственный строй. При этом должна быть установлена не только для магистратов мера их власти, но и для граждан мера их повиновения. Ведь и тот, кто разумно повелевает, рано или поздно должен будет подчиняться, а тот, кто покорно подчиняется, достоин того, чтобы рано или поздно начать повелевать» (Cic. Leg. III. 5). Но для идеального государства также жизненно важно, чтобы во главе его стояли люди разумные, нравственные и достойные подражания. Только тогда граждане будут им повиноваться: Цицерон особо подчеркивает важность морального облика сената, ибо «так как закон велит, чтобы сенат был свободен от каких-либо пороков, то ни один человек, страдающий пороком, не должен вступать в это сословие» (Cic.

¹ Finley M. I. *Politics in the Ancient World*. — Cambridge, 1983; Beck S. *Greece and Rome to 30 B. C. Ethics of Civilization // World Peace Communications*, 3, 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.san.beck.org/EC26-Cicero.html#31>.

Leg. III. 29). Он видит единственное решение этой сложной задачи «разве только путем воспитания и обучения», перечисляя в дальнейшем важнейшие знания и умения, которыми должен обладать сенатор: «Сенатор должен знать государственные дела, а это охватывает много вопросов: знать, сколько в государстве солдат, каково состояние эрария, кто союзники государства, кто его друзья, кто его данники, какие относительно них существуют законы, условия, договоры. Сенатор должен быть знаком с порядком принятия постановлений, знать примеры из прошлого» (Cic. Leg. III. 41). Как уже было упомянуто, вторая книга и третья книги представляют собой незаконченные фрагменты, поэтому выводы Цицерона о том, как достигнуть гражданского идеала, можно лишь реконструировать с известной долей вероятности. Идеи, высказанные в первой книге, в совокупности с той информацией, которую можно извлечь из второй и третьей книг, показывают, что Цицерон рассматривал вопросы религии, политики, философии и образования в едином этико-философском пространстве: идеальный гражданин должен не только следовать неписаному природному закону, подразумевающему нравственное и добродетельное поведение, он должен сам творить достойные человеческие законы, чтобы улучшить жизнь своего государства и своих сограждан. Единственный способ достичь этого Цицерон видит в приобретении мудрости посредством обучения и образования.

Гораздо более детально мысли Цицерона о воспитании идеального гражданина изложены в трактате «Об обязанностях» (ок. 44 г.). История создания трактата подробно представлена в трудах С.Л. Утченко¹, поэтому мы не будем на ней останавливаться. Достаточно упомянуть то, что «Об обязанностях» был написан в период вынужденного политического бездействия и душевного кризиса Цицерона, когда ему пришлось удалиться в Тускулу и искать спасения в ученом досуге. «Об обязанностях» написан в жанре трактата и посвящен сыну Марку, который в то время обучался философии в Афинах. Сам Цицерон разделил трактат на три части: в первой книге раскрывается понятие, которое на русский язык традиционно переводится, как «нравственно-прекрасное». Цицерон использует

¹ Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. — Москва, «Наука», 1965; Утченко С.Л. Цицерон и его время. — М.: Мысль, 1972; Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. — М.: Наука, 1977; Утченко С.Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // В кн.: Марк Туллий Цицерон. О старости, О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 159–174.

слово *honestum*, которое имеет несколько вариантов перевода, в том числе и «достойный уважения, уважаемый, порядочный, честный» и «доставляющий честь, покрывающий славой, славный». Сама данная лексема является производной от *honor*, что, кроме значений «честь, почет, уважение», обозначает еще и почетную выборную римскую должность, государственный пост. Традиционный перевод *honestum* как «нравственно-прекрасное», по мнению Н.П. Гринцера, не только затемняет исходную семантику латинского слова, но и теряет то особую коннотацию признания, внешней оценки, которая была так важна для Цицерона.¹ Вторая книга посвящена объяснению полезного (*utile*), а в третьей книге речь идет об их столкновении, в котором победу одерживает нравственно-прекрасное (*honestum*).

Обучение и образование рассматриваются Цицероном как неотъемлемые компоненты любви к мудрости — философии, которая для него всегда была «матерью всех наук». Цицерон пишет сыну о необходимости выделить достаточно времени на изучение философии, ибо достижение успехов в учебе требует времени: «Поэтому ты будешь учиться у главы философов нашего поколения и учиться столько времени, сколько захочешь, а хотеть этого ты должен будешь, пока останешься удовлетворен своими успехами» (*Cic. Off. I. 2*)². Он снова и снова акцентирует важность философии в обучении, и ту особую роль, которую философия сыграла в определении обязанностей и обучении им. Само слово «обязанность» (*officium*), согласно С.Л. Утченко, имело в устах Цицерона вполне утилитарный смысл³, близкий к тому, что сегодня вкладывается в английское слово «office» — «служба, место, должность, пост». В уже цитированной работе С.Л. Утченко ссылается на письмо Цицерона Аттику, в котором Марк Туллий пишет: «Разве мы не говорим, «обязанность консулов», «обязанность сената», «обязанность императора»? Значит, прекрасно подходит или дай лучше!»⁴ Таким образом, под обязанностями Цицерон имеет ввиду не какой-либо возвышенный долг

¹ Гринцер Р.П. Римский профиль греческой философии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1362065100>

² Здесь и далее текст приводится по изданию: Цицерон. Об обязанностях / пер. О.В. Горенштейна // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 58–156.

³ Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // В кн.: Марк Туллий Цицерон. О старости, О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 159–174.

⁴ Там же.

гражданина перед обществом, а «в первую очередь обязанности достойного гражданина, полноправного члена римской общины»¹. Исполнение обязанностей рассматривается им в качестве особой миссии образованного человека: «Ведь ни одна сторона нашей жизни — ни дела государственные, ни частные, ни судебные, ни домашние, ни случай, когда ты ставишь вопрос перед самим собой, ни случай, когда ты заключаешь соглашение с ближним, — не может быть свободна от обязанности. И в служении ей вся нравственная красота жизни; в пренебрежении к ней позор» (Cic. Off. I. 4). А роль философов, помимо прочего, включает в себя и обучение тому, как достойный гражданин должен исполнять свои обязанности: «И действительно, кто, не преподавая правил насчет обязанностей, осмелится называть себя философом?» (Cic. Off. I. 5) Итак, образ идеального гражданина в первой книге строится на определении автором понятия достойного или нравственно-прекрасного и добродетелей / доблестей, которые вытекают из этого определения и дают возможность гражданину выполнять свои обязанности. Воспитание и становление гражданина неразрывно связано с формированием у него доблестей / добродетелей, к которым относятся справедливость, умеренность, благотворительность, доброжелательность, щедрость и др. Интересно наблюдение Цицерона об амбивалентной природе перечисляемых им доблестей — то, что совершается ради собственной выгоды, даже если это и выглядит как доблесть, таковой не является: «Ибо человек, определяющий высшее благо как нечто, не имеющее ничего общего с доблестью, и измеряющий его своими выгодами, а не его нравственной красотой, такой человек, если останется верен себе и не будет иногда уступать своей доброй натуре, не сможет служить ни дружбе, ни справедливости, ни щедрости» (Cic. Off. I. 5). Примером такой отрицательной мотивации, по мнению Цицерона, является Гай Юлий Цезарь, преступивший «все божеские и человеческие законы» ради власти (Cic. Off. I. 26).

Главными доблестями идеального гражданина Цицерон видит справедливость и благотворительность. Цицерон интуитивно ощущает семантическую неопределенность лексемы «справедливость» и пытается дать предметное определение данному понятию: «...Первая задача справедливости — в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием; затем — в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной — как своей» (Cic. Off. I. 20). Собственно,

¹ Там же.

начиная с Цицерона, семантический эталон лексемы «справедливость» неразрывно связан с понятием вреда¹. Идеальный гражданин не может и не должен причинять вреда окружающим, и тот, кто следует этому правилу, достигает первого вида справедливости, но для идеального гражданина этого недостаточно. Идеальный гражданин должен достичь и второго вида справедливости, а именно приложить свои старания, труд и способности к общественной жизни: «Ведь они достигают одного вида справедливости — не причинять вреда противозаконием; но они не удовлетворяют другому виду справедливости: поглощенные своим стремлением изучать, они покидают тех, кого должны оберегать» (Cic. Off. I. 28). Это чрезвычайно важный момент педагогики Цицерона — *vir bonus* не может отречься от общественной жизни, готовность служить на благо отечеству выделяет гражданина из среды ему подобных: «Но те, кого природа наделила способностями к деятельности, должны, отбросив всякую медлительность, занимать магистратуры и вершить делами государства; ведь иначе невозможно ни управлять государством, ни проявить величие духа. Что касается людей, берущихся за государственные дела, то они не менее, чем философы (пожалуй, даже и более), должны проявлять величие духа и презрение к делам человеческим, о котором я часто говорю, как и душевное спокойствие и безмятежность, если намерены быть свободны от тревог и прожить, сохраняя свое достоинство и стойкость» (Cic. Off. I. 72). Отказ выполнять свои обязанности — позор, выполнение же их составляет нравственную красоту достойного гражданина, отказавшегося от личной выгоды и благ ради служения отечеству: «Гражданин строгих правил, храбрый и достойный первенства в государстве, будет этого избегать и ненавидеть это, всецело посвятит себя служению государству, не станет добиваться богатств и могущества и будет оберегать государство в целом, заботясь обо всех гражданах; он не станет вызывать ненависть или зависть к кому бы то ни было, прибегая к ложным обвинениям, и вообще будет держаться спра-

¹ См. например, рассуждения о справедливости писателя Р. Хайнлайна: «При семантическом изучении слова «справедливость» оказалось, что у него нет эталона — не существует какого-либо явления в среде, имеющей параметры времени и пространства, на которое можно было бы указать и заявить: «Это есть справедливость». В науке имеет право на существование то, что поддается наблюдению и измерению. Справедливость не относится к таким явлениям, поэтому она не может значить одно и то же в различных обстоятельствах. ... Но вред, физический или экономический, может быть определен и измерен» (Р. Хайнлайн. Ковентри).

ведливости и нравственной красоты, так что он, оставаясь верен им, пойдет на любые столкновения и даже согласится умереть, но не откажется ни от чего из того, что я назвал» (Cic. Off. I. 86).

Рассуждая о благотворительности — второй основной доблести, «составляющей» идеального гражданина, Цицерон приводит некую «шкалу» обязанностей, различающихся в зависимости от различных форм человеческой общности: «Но если взглянуть на все с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей» (Cic. Off. I. 57). Далее он останавливается на этой иерархии общностей чуть более подробно, ставя на первое место он, конечно же, государство: «Но если нам предстоит, так сказать, спор и сравнение, дабы мы могли решить, перед кем именно мы в наибольшем долгу, то да будут на первом месте отечество и родители, которым мы обязаны их величайшими благодеяниями, родные, наши дети и все домочадцы, обращающие свои взоры к нам одним и не могущие иметь никакого другого прибежища; далее — родственники, с которыми мы живем в согласии и большей частью разделяем их участь» (Cic. Off. I. 57).

Как же воспитать в гражданине эти доблести? Единственный путь, который видит Цицерон, это путь наставления и обучения, «обучения через воспитание»¹ с помощью мудрых наставников, которые будут делиться с молодежью своими знаниями и опытом: «Связью этой общности служат разум и дар речи, которые *посредством наставления, изучения, взаимного общения, обсуждения и принятия решений* сближают и объединяют людей» (Cic. Off. I. 50). Представляется интересным, что, в отличие от предыдущих употреблений, Цицерон использует форму глагола *docere* (*docendo*) — «учить, обучать», а не *praecipio* — «наставлять». От чего зависит успешность воспитательного процесса? На этот вопрос Цицерон также дает вполне однозначный ответ: молодое поколение должно видеть перед собой пример достойного исполнения обязанностей своими предками и следовать ему: «Но наилучшее наследство, передаваемое детям их отцами и более ценное, чем любое имущество, — слава доблести и деяний» (Cic. Off. I. 121). Согласно Цицеро-

¹ Пичугина В.К. Педагогика Цицерона (воспитание достойных) // Марк Туллий Цицерон: Антология гуманной педагогики / сост. и коммент. Я.А. Волкова, В.К. Пичугина. — М.: Неолит, 2017. — С. 15.

ну обязанности меняются в зависимости от возраста, но в добросовестном выполнении их людьми разных возрастов лежит ключ к успехам в воспитании достойного гражданина: «А так как разным возрастам поручаются разные обязанности (одни — молодым людям, другие — старым), то надо сказать несколько слов и об этом различии. Итак, долг юноши — чтить старших годами, а из них избирать наилучших и самых уважаемых, дабы опираться на их мудрость и авторитет. Ибо неосведомленность ранней молодости нуждается в дальновидности стариков, чтобы на ней основываться и ею руководствоваться» (Cic. Off. I. 122). Чтобы гражданин мог достойно выполнять свои обязанности, он должен соблюдать три главных правила, важнейшее из которых Цицерон ставит в начале перечня: «Во-первых, подчинять свои стремления разуму, а это более чем что-либо другое способствует соблюдению человеком своих обязанностей; во-вторых, принимать во внимание, сколь важно то, что мы хотим совершить, — дабы не брать на себя забот и трудов ни больших, ни меньших, чем требует дело; в-третьих, соблюдать меру во всем том, что относится к внешнему впечатлению благородства и к достоинству» (Cic. Off. I. 141).

Таким образом, воспитание идеального гражданина есть, прежде всего, обучение выполнению им своих обязанностей достойным образом и на благо отечеству и людям.

Во второй и третьей книгах Цицерон развивает мысли об ученом досуге, рассуждая о полезном (*utile*) и его соотношении с нравственно-прекрасным, т.е. о практическом применении изложенных в первой книге нравственных основ. Он полагает, что, несмотря на ту пользу, которую приносят Риму различные ремесла и другие занятия, требующие физической деятельности, умственный труд приоритетен (вывод, который следует помнить некоторым нашим современникам, провозглашающим приоритет исключительно прикладного обучения): «...умственный труд имеет гораздо большее значение, чем физический, так те цели, которые мы преследуем своим дарованием и разумом, людям более по сердцу, чем те, какие мы преследуем силой своих мышц» (Cic. Off. II. 46). Нравственно-прекрасное всегда одерживает верх над полезным, оно свойственно *vir bonus*, истинным, мудрым и достойным гражданам Рима: «И именно это нравственно-прекрасное, называемое так по его существу и правильно, свойственно одним только мудрым людям и никогда не может быть отделено от доблести; однако людям, не обладающим совершенной мудростью, совершенная нравственная красота никак не может быть свойственна, но некоторое подобие нравств-

венной красоты быть им свойственно может» (Сic. Off. III. 13). Таким образом, одним из важнейших положений трактата является мысль о том, что существование правильного государства невозможно без воспитания высоконравственных граждан, совершающих подобающие поступки ради блага отечества. Государством должны управлять образованные и нравственные люди, в которых нет гордости, надменности, стремления к власти и жажды наживы.

Таким образом, анализ двух произведений Цицерона «О законах» и «Об обязанностях» в аспекте педагогики дает нам представление о гражданском идеале автора и путях его достижения. Идеальный гражданин Цицерона — *vir bonus* — это человек, любящий свою родину и жаждущий служить ей ради блага всех ее граждан, а не ради личной выгоды, сильный в вере, почитающий предков, высоконравственный и высокообразованный, способный сам определять свой жизненный путь, отделяя подобающее от неподобающего. Воспитание такого гражданина — дело не только семьи, но и государства, мудрые и образованные правители которого служат личным примером для молодого поколения, задают высокие образовательные и моральные стандарты. И только познав свою природу, «самого себя», пройдя свой образовательный маршрут, гражданин Рима станет гражданином мира, принеся в него достоинство и справедливость. Этот гражданский идеал Цицерона навсегда остался идеалом, во многом определив образовательные и воспитательные стандарты последующих веков. Современное общество переживает глубокую трансформацию ценностной составляющей гражданского сознания, результатом чего является наблюдаемый ныне кризис нравственности. В этой связи возрастает значение педагогических идей и идеалов Цицерона для воспитания достойных граждан нашей эпохи.